

Мастер пантомимы графического пейзажа

Стиль этого мастера – классическая графика, но это нечто большее, чем просто классика. Во всех его листах-офортах (а их у меня сейчас перед глазами более 84-х) изысканно проникновенный аристократизм классики.

Глядя на его ведуты, вспоминаются офорты бельгийского виртуоза Ф.Бренгвина, на которых каллиграфически-отточенные силуэты и ракурсы городских сюжетов обладают пронзительной певучестью казалась бы обычного спектакля жизни. Из-под его руки не ускользают никакие мельчайшие подробности, то виртуозно прорисованные, то растворяющиеся в пасмурной дымке далекого столетия. Все это формирует уникальную особенность мастера, а именно – пантомиму графики. Пантомима передает содержание происходящего на сцене при помощи мимики, жестов, пластики движения и ритма в музыкальном и шумовом сопровождении.

Офорты А.С.Шипицына – это та самая пантомима графики, которая призывает все его листы, где мимика, жесты, пластика и ритм являются результатом каллиграфически наполненного и отточенного штриха, силуэтных абрисов репортерски достоверных закоулков Иркутска. Проглядывается этюдность офорта, но этюды имеют свою собственную художественную ценность. Глядя на его пейзажи, вы наблюдаете перетекание массивов штриха в линию, далее в тональность листа в целом и, наконец,

Работа А.С.Шипицына

узнаете это место старого Иркутска.

Автор этой статьи поддался соблазну инициативного творческого азарта с помощью компьютера сформировать свой собственный взгляд и прочтение фабулы артистично интригующих пейзажей мастера.

В результате вот такого не любительского вандализма, а зрительского сотворчества получились семь листов-коллажей «по Шипицыну» и, доложу вам, с удовольствием «завирусился» пасмурной дымкой зимнего Иркутска, которая, искрясь и серебрясь проникновенным ароматом «куржака», путешествует из листа в лист, скользя по замершему мимическому жесту двух деревянных столбов исчезнувшей со временем ограды, пере-

текая в готические мотивы заснеженных ветвей, в заснеженную то ли поленницу, то ли смесь обгоревшего остова жилья с поленницей, в штакетник заснеженного полуразрушенного палисадника. Пытаешься понять, что здесь более живое: покосившийся дом с кривыми форточками и ставнями либо вся эта снежная круговерть старины. Она преподносит вам сюрпризы орнаментальных фрагментов, непредсказуемо пронизывающих друга друга, формируя артикулированно отточенную фразу пластического ритма, наполненного драмой бытия. Резонансом этого ритма становятся ваши воспоминания, переходящие в ассоциативно-ностальгический танец встречи. И ощущаешь биение пульса огня всего живого. Обугленное временем выражение лица этого театра жизни никогда не станет маской, оно становится обелисками, сохраняющими и обобщающими знакоткань пейзажных глубин старого Иркутска. А контекст?..Пожалуйста! Встреча Шипицына с Бренгвиным в моем зрительском инсайте состоялась!

Рискните....

Сергей Алексеев

